

ИСТОРИИ ТОРГОВЦА КНИГАМИ

—
МАРТИН ЛЕЙТЕМ

Мартин Лейтем

Истории торговца книгами

indd предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66876028

Мартин Лейтем Истории торговца книгами:
ISBN 978-5-389-20533-8

Аннотация

В созвездии британских книготорговцев – не только торгующих книгами, но и пишущих, от шотландца Шона Байтелла с его знаменитым The Bookshop до потомственного книготорговца Сэмюэла Джонсона, рассказавшего историю старейшей лондонской сети Foyles – загорается еще одна звезда: Мартин Лейтем, управляющий магазином сети книжного гиганта Waterstones в Кентербери, посвятивший любимому делу более 35 лет. Его рассказ – это сплав истории книжной культуры и мемуаров книготорговца. Историк по образованию, он пишет как об эмоциональном и психологическом опыте читателей, посетителей библиотек и покупателей в книжных магазинах, так и о краеугольных камнях взаимодействия людей с книгами в разные эпохи (от времен Гутенберга до нашей цифровой эпохи) и на фоне разных исторических событий, включая Реформацию, революцию во Франции и Вторую мировую войну. Познакомьтесь с портретом «человека читающего» в изложении Лейтема, насыщенном именами и цитатами, приглашающими к

чтению и размышлению заглавиями, интересными фактами и ситуациями, а также важными обобщениями.

«Книжные стеллажи – отражение нашего неизведанного “я”».
(*Мартин Лейтем*)

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Введение	9
1	17
2	61
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Мартин Лейтем

Истории торговца книгами

Martin Latham

THE BOOKSELLER'S TALE

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd., London.

The author has asserted his moral rights. All rights reserved

Перевод с английского Ирины Никитиной

© Martin Latham, 2020

© Никитина И. В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021

КоЛибри®

* * *

Переходя от темы к теме, автор рассказывает буквально обо всем: от легендарных библиотек до скромных книгонош, а также о забытых книжных формах... Энергия книги оказывается настолько живой, что даже в электронном виде она, кажется,

источает восхитительный запах старого книжного магазина.

Хензиба Андерсон, The Observer

История и торжество всякой вещи, связанной с книгой... Все, кто любит бродить по книжным магазинам, ощущая традиционный запах бумаги, охотно заводят знакомства с чудаковатыми хозяевами, у которых в запасе тысячи историй, несомненно вынесут отсюда что-то неожиданное, утешительное и, возможно, даже стоящее поцелуя.

Кэти Гест, The Guardian

Мало что может сравниться с заразительным энтузиазмом Мартина Лейтема, книготорговца с тридцатипятилетним стажем из магазина Waterstones в Кентерберии. Его книга – это собрание историй о знаменитых писателях и библиофилах, однако прежде всего это любовное послание книге.

Пол Лейти и Джастин Джордан, The Guardian

Ода чтению и читателям, а также всему, что имеет отношение к книгам. Занимательная, разносторонняя, экстравагантная... сущее наслаждение.

Элисон Лайт, автор книги «Обычные люди: история английской семьи»

...не только исследование истории книжного дела, но еще и любовное послание, щедро пересыпанное очаровательными и забавными историями. Здесь,

например, вас ждет встреча с Антонией Байетт, которая покупает «Плоский мир» Терри Пратчетта и признает, что никто в Лондоне не должен видеть, как она это делает...

Evening Standard

Мир книготорговли может по-настоящему гордиться Мартином Лейтемом. Его исследование истории книг и книжного дела, а также причин, по которым мы так любим книги, пропитано трогательными историями и удивительными фактами... В основе повествования – простое удовольствие, любовь к хорошей книге.

Daily Mail

Лейтему полагает, что в книжном магазине должно возникать чувство, словно попадаешь в «пещеру Аладдина». Справедливо будет заметить, что оно точно возникает при прочтении его книги, которая объединяет забавные истории из его практики (чего стоит хотя бы приглашенный автор Спайк Миллиган) и историю культуры чтения, книгопечатания, книготорговли, библиотек и всего того «книжного», что только можно себе представить... Если поиски «той самой книги» в книжном магазине вписываются в ваше представление о рае, то вы получите незабываемое удовольствие от коллекции этих удивительных историй.

Джейк Керридж, Sunday Express

Мне очень понравилась эта книга, и едва ли я

читал еще что-то столь же богатое фантастическими историями, интересными идеями, великими цитатами, яркими откровениями. Они здесь не просто на каждой странице, они в каждом абзаце.

Саймон Мэйо, Scala Radio

Щедрая на описания, разносторонняя и очень человечная... Эта книга создает эфемерное, ускользающее чувство доверия книжному магазину с богатейшим и весьма эклектичным ассортиментом.

Денис Данкан, Times Literary Supplement

Введение

Есть в мире одна книга, которая вот уже 800 лет лежит на одном месте, не сдвигаясь ни на сантиметр. Она украшает надгробие Алиеноры Аквитанской в королевском аббатстве Фонтевро, неподалеку от города Пуатье во Франции. Ее полная бурных событий жизнь осталась далеко в прошлом, и теперь одна из самых выдающихся женщин Средневековья мирно покоится в своей усыпальнице, держа в руках открытую Библию. Она лежит подобно тому, как любой из нас устраивается в постели, когда после беседы или чаепития мы сливаемся с книгой, погружаясь в свой внутренний мир. Пришельцу из другой галактики эта история любви человечества и печатного слова показалась бы одной из самых странных на нашей планете.

Мой рассказ, посвященный истории книги, имеет своей целью изучить наши взаимоотношения с бумажной книгой и продемонстрировать, каким образом они помогли нам углубить понимание самих себя. Появление печатной книги ознаменовало общепланетарный расцвет сознания. Уютно устроившись с книгой в руках, мы и сейчас продолжаем открывать в себе все новые и новые «я».

Примечательно, что читать в одиночестве вошло в привычку лишь с наступлением эпохи книгопечатания. В большинстве языков слово «читать» изначально подразумевало

чтение вслух. Некогда на Александра Македонского смотрели в изумлении и замешательстве, когда он читал про себя, ведь до изобретения печатных станков люди гораздо чаще читали друг другу, нежели оставшись наедине с собой. С распространением привычки читать в одиночестве стала углубляться и эмоциональная привязанность к книге. По словам Гарриет Мартино, основоположницы социологии в викторианской Англии, ей нередко казалось, будто она *становится* автором текста, который читает, а такие романы, как «Кларисса», вызывали у нее безудержные рыдания и самозабвенный восторг. Благодаря Иоганну Гутенбергу наше воображение очаровано историями, опьянено неизведанными доселе возможностями.

Чтение в одиночестве обогатило наш внутренний мир новыми измерениями. Эта истина угадывается в стопках книг, сложенных в большой библиотеке или в углах книжного магазина – в местах, внушающих нам ощущение величия, будто мы оказались на краю бесконечности собственного внутреннего мира. Возможно, древней Александрийской библиотеки никогда и не было, но, как утверждает британский историк-классицист Эдит Холл, сама по себе идея ее существования играет не менее значимую роль в нашем коллективном бессознательном, чем историческая правда. Мы инстинктивно осознаем, что наше бытие бесконечно и зависимо от случайностей, и поэтому так любим блуждать по книжным магазинам и библиотекам, надеясь найти книгу, способную от-

переть замки, за которыми скрывается разнообразие наших потаенных «я».

Страстная любовь к настоящим книгам (а не к «тексту», о котором твердят специалисты по теории литературы) имеет много проявлений, однако пишут о них довольно редко. За тридцать лет работы в сфере книготорговли мне не раз доводилось наблюдать, как покупатель нежно поглаживает книгу по корешку, заглядывает под суперобложку, украдкой закрывает глаза, чтобы вдохнуть аромат раскрытых страниц, обнимает свежеприобретенную книгу, а то и вовсе тихонько ее целует.

Покупатели бумажных книг не смогут растолковать вам, почему им так нравится держать книгу в руках, и, как человек, которому за долгие годы приходилось сотни раз слышать их заверения в том, что объяснить они этого не могут, я начинаю думать, что им не хочется анализировать столь сокровенное чувство.

От книги – той, что напечатана на бумаге, полученной из древесины, – рукой подать до леса, великого источника мифов. Цифровые устройства не только производятся из более холодных, лишенных связи с природой материалов, они к тому же безжалостно требовательны. В 1913 году Кафка с поразительной прозорливостью предсказал грядущее в письме к своей будущей возлюбленной Фелиции, которая торговала диктографами. Он терпеть не мог эти приспособления

и с восторгом рассказывал о том, как, глядя из окна своего кабинета и остановив диктовку на полуслове, порой слышал характерный шелестящий звук, когда его секретарша от нечего делать принималась тайком подпиливать ногти. Он писал Фелиции, что «перед диктографом» человек оказывается «низведен до полного ничтожества, он фабричный рабочий»¹. В наши дни всем нам порой кажется, будто мы чернорабочие, состоящие на службе у машин; книга же подобных чувств не вызывает. Кафка предсказывал, что рано или поздно эти устройства начнут с нами разговаривать, высказывать предложения о том, в какой ресторан сходить, и даже исправлять речевые ошибки. Эти идеи казались абсурдными еще каких-то десять лет назад, когда я взялся писать эту книгу, но теперь подобные технологии повсюду. Бедняжка Фелиция ничего не ответила на письмо Франца, должно быть показавшееся ей безумным.

«Холодная функциональность» цифровых технологий славится «интерактивностью», которая, правда, ограничена рамками формата, начиная с «лайков» и заканчивая блогами, и очень далека от того общения, которое многие налаживают с бумажными книгами – «теплыми» носителями информации, в которых читатели нередко оставляют пометки. Маргиналии Мишеля де Монтеня на полях сборника сочинений Лукреция отражают целую цепочку размышлений,

¹ Перевод М. Л. Рудницкого. Цит. по изд.: *Кафка Ф. Приговор. Письма к Фелиции*. СПб.: Азбука-классика, 2007.

как и пылкие заметки Уильяма Блейка на страницах «Лекций об искусстве» (Discourses on Art) Джошуа Рейнольдса. Из маргиналий Сэмюэла Кольриджа получился целый том, вошедший в собрание его сочинений. Однако заметки на полях оставались, без преувеличения, вне поля зрения академических библиотекарей, особенно в Викторианскую эпоху, когда такие записи срезали и выбрасывали при замене переплета, а порой даже выбеливали (именно эта участь постигла маргиналии Мильтона). Наследием этого утилитаристского стремления к чистоте стала распространенная в наши дни чрезмерная предвзятость по отношению к пометкам в печатных книгах. Один современный специалист по истории маргиналий с сожалением предостерегает, что если мы не начнем относиться к ним проще, то лишимся свидетельств, отражающих незамутненные, сиюминутные реакции читателей.

С 1600-х и практически до 1870-х годов читатели с тем же непочтительным библиофильством вырезали приглянувшиеся отрывки из книг и клеивали их в самые обыкновенные тетради или блокноты, где цитаты перемежались с их собственными рукописными размышлениями. Свидетельств этой всеобщей мании почти не осталось благодаря стараниям таких библиотекарей, как М. Р. Джеймс, который сравнивал подобные тетради с «некой разновидностью остатков или отложений». Раздражения привыкшему мыслить эмпирически библиотекарю добавлял еще и тот факт, что эти труды

невозможно было категоризировать – книги то были или рукописи. Их кипами выбрасывали на помойку вплоть до 1980-х годов.

Дешевые книжки небольшого формата, порой самодельные сборники, известные в Британии как «чапбуки» (*chapbook*), которыми торговали странствующие торговцы, – это еще одна забытая страница книжной истории. Миллионы подобных брошюр с рассказами о преступлениях, мифах, паранормальных явлениях, историях любви, а также с философскими и религиозными рассуждениями печатались по всему миру, хотя зафиксированных сведений об их тиражах не сохранилось. До недавнего времени библиотекари относились к ним с пренебрежением, а научное сообщество их попросту игнорировало. Это странно, ведь столько литературных титанов было вскормлено этими пользовавшимися огромной популярностью историями. Пипс² их коллекционировал, Блейк писал великолепные стихи, печатавшиеся в изданиях такого формата, на них вырос Диккенс, Стивенсон их обожал и даже сам написал подобную книжку под названием «Поучительные эмблемы» (*Moral Emblems*), а Шекспир с нескрываемой любовью описывает бродячего торговца такими сборниками, пустобреха Автолика. Однако эти кни-

² Пипс Сэмюэл (1633–1703) – английский государственный и политический деятель, автор дневника, который он вел с 1660 по 1669 г. и в котором наряду с ключевыми историческими событиями, такими как эпидемия чумы в Лондоне и Великий пожар 1666 г., описываются особенности быта того времени. (*Здесь и далее, если не указано иное, примеч. перев.*)

ги, зачастую не имевшие обложки, передавались лишь из рук в руки и сегодня по большей части утеряны.

Жак Деррида, сетуя на пагубное влияние библиотекарей, в большинстве своем мужского пола, так или иначе воздействующих на нашу культуру, впервые использовал понятие «патриархивный». По его мнению, этим людям чужд интерес к книжной археологии, к одиссеям странствующих томов, к секретам, таящимся за бумагой и чернилами, за водяными знаками и рисунками на переднем обрезе, к историям, которые рассказывают засушенные, вложенные между страницами цветы и написанные от руки посвящения. Влюбленные не терпят конкуренции, а диктаторы попросту хотят, чтобы их любили. Политический лидер ГДР Эрих Хонеккер обрушил на страну волну репрессий, однако в старости досадовал: «Разве они не видели, как сильно я их любил?» Именно такая ревность заставляла диктаторов массово сжигать книги. Историю о том, как удавалось выжить подпольным изданиям, еще предстоит рассказать – начиная с произведений Солженицына, которые тайком перепечатывали в кабинетах Кремля, и заканчивая нелегальными тиражами «Скотного двора», что хранились в Восточном Берлине.

Перед вами откровенный рассказ о любви человека к книге – любви, благодаря которой появилось более склонное к уединению и рефлексии «я». Любви к бумажной книге, которая цветет – возможно, особенно пышно – именно сейчас, в эпоху цифровых технологий.

Не знаю, как я научился читать; помню только свои первые чтения и то впечатление, которое они на меня производили; с этого времени тянется непрерывная нить моих воспоминаний³.

Жан-Жак Руссо. Исповедь

³ Перевод Д. А. Горбова и М. Н. Розанова.

1

Заветные книги

Детские воспоминания возвращаются так, словно где-то в дальнем крыле старого дома громко хлопнула распахнутая ветром дверь.

Выдержка из малоизвестного эссе Ричарда Черча, название которого мне так и не удалось узнать

Каждый должен составить кадастр утраченных ландшафтов⁴.

Гастон Башляр. Поэтика пространства

Лишь недавно мне удалось превозмочь данное мне образование и вернуться к той ранней интуитивной спонтанности.

Роберт Грейвс. Со всем этим покончено

Низенькая дверь в стене

Один египтянин, живший около 2500 года до н. э., сравнивал находку пришедшейся по душе книги с отправлением в путешествие на маленькой лодке. Некоторые дороги сердцу книги способны унести нас прочь к далеким берегам, где мы станем счастливее. Эта категория тотемных романов представляет собой диковинную смесь «макулатуры» и «класси-

⁴ Здесь и далее цит. по: *Башляр Г. Избранное: Поэтика пространства* / Пер. с фр. Н. В. Кисловой, Г. В. Волковой, М. Ю. Михеева. М.: РОССПЭН, 2004.

ки».

Однажды издателя и биографа Дженни Юглоу пригласили поучаствовать в дискуссии, организованной Нью-Йоркской публичной библиотекой, в ходе которой был поднят вопрос о том, какие классические произведения по сей день популярны среди читателей. Накануне она заглянула ко мне в магазин, чтобы навести справки, и весьма удивилась, просмотрев статистику продаж. Оказалось, что, за исключением программных произведений и экранизаций, все еще хорошо продается миссис Гаскелл, Хемингуэй, разумеется, – но лишь некоторые из его произведений. «Мидлмарч» по-прежнему остается бестселлером, в отличие от книг Филдинга. И пусть цикл книг Энтони Поуэлла «Танец под музыку времени» (*Dance to the Music of Time*) внес огромный вклад в развитие культуры, покупают их не слишком часто. А вот увесистая «Балканская трилогия» (*Balkan Trilogy*) и «Александрийский квартет», написанные в 1960-х годах, все еще приносят хороший доход. Можно было бы предположить, что обеспечивают товарооборот и прибыль лишь те романы, что поновей, но покупатели регулярно берут и «Робинзона Крузо» (1719), и «Кандида» (1759) ради развлечения, а не в качестве обязательных к прочтению книг. Между тем книги Смоллетта, как и «Жизнь Сэмюэла Джонсона», принадлежащая перу Босуэлла, приобретают лишь из ностальгического уважения, нежели из коммерческих соображений, ведь год за годом они продаются в мизерных коли-

чествах. За тридцать лет я ни разу не слышал, чтобы почитатели интересовались «Путешествием Пилигрима». А вот «Человек, который был Четвергом» Честертона – один из немногочисленных многолетников, обязанных своей популярностью отзывам, передающимся из уст в уста. Список любимых читателями книг, которые способны мгновенно развеять тоску и хорошо известны большинству книготорговцев, включает в себя по большей части научную фантастику и детскую литературу. Как правило, эти книги не имеют отношения к классическому «канону», о котором твердит академическое сообщество. Ну и что, верно? Вот некоторые примеры из этого списка: «Облачный атлас», «Наоборот»⁵, «Часовой»⁶ (Watchman), «Я захватываю замок», «Над пропастью во ржи», «Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена», «Антуанетта», «Убить пересмешника», трилогия «Земноморье», «Эрагон», «Властелин колец», серия книг Терри Пратчетта «Плоский мир», «Мечтают ли андройды об электроовцах?», «Аня из Зеленых Мезонинов», книги о Гарри Поттере, «Мило и волшебная будка»⁷, «Маленький принц», «Алхимик», книги о Реджинальде Дживсе, «Неуют-

⁵ «Наоборот» (1884) – роман французского писателя Жориса Карла Гюисманса, считающийся образцом декадентской литературы.

⁶ «Часовой» (1988) – роман современного шотландского писателя Иэна Рэнкина, главный герой которого работает на британскую контрразведку.

⁷ «Мило и волшебная будка» («Призрачная будка») (1961) – детский приключенческий роман современного американского автора Нортон Джастера.

ная ферма»⁸.

Любителям всех этих книг случалось думать, что следовало бы переключиться на что-нибудь более монументальное. Автор художественных романов Антония Сьюзен Байетт была одной из первых поклонниц Терри Пратчетта в те дни, когда рецензии на научно-фантастические произведения и фэнтези редко появлялись на страницах газет. В 1990 году, с огромной радостью приобретя новую книгу из серии «Плоский мир» в моем магазине в Кентербери, она пошутила: «Мне нравится “Плоский мир”, но нельзя, чтобы кто-нибудь в Лондоне увидел, как я покупаю эти книги». Такое положение вещей – побочный продукт современной системы образования: Чосер, Шекспир и Диккенс наслаждались эклектизмом, свободным от чувства стыда. Викторианское общество обожало героическую историю врача Уильяма Брайдона – единственного выжившего во время отступления из Кабула в 1842 году, которому удалось уцелеть благодаря спрятанной под шляпой Библии, на которую пришелся удар афганского меча. Позже, вернувшись домой в шотландское высокогорье и уже будучи стариком, Брайдон развенчал этот миф (созданный отнюдь не им самим). Жизнь ему спасла вовсе не Библия, а выпуск ежемесячного журнала Blackwood's Magazine – популярного издания, печатавшего произведения романтиков и рассказы в жанре хоррор.

⁸ «Неуютная ферма» (1932) – комический роман английской писательницы Стеллы Гиббонс.

Душевное успокоение – это чрезвычайно важная составляющая чтения, но нам необходимо оберегать его, иначе мы уподобимся некоторым из студентов Дейрдре Линч, преподавательницы Гарвардского университета. Ей не дают покоя...

...отголоски ностальгии, которые часто слышны в словах... студентов факультета английской литературы... причитающих, что требование изучать критику и теорию, с которым они вынуждены мириться, душит любовь к писателям и к чтению, которая изначально и сподвигла их выбрать именно эту специальность.

Человек, отыскавший свою заветную, греющую душу книгу, подобен влюбленному и часто запоминает этот момент на всю жизнь. На протяжении нескольких лет, когда мне было чуть больше двадцати, я частенько навещался в лондонский район Челси, на улицу Тэйт, где пристегивал свой однокоростной студенческий велосипед к ограде многоквартирного дома в эдвардианском стиле. Вся улица была проникнута книжным духом: в паре шагов оттуда некогда жили Рэдклифф Холл⁹ и Оскар Уайльд. Я заходил в старый лифт, и, когда он медленно подъезжал к верхнему этажу, перед моими глазами появлялась видневшаяся сквозь прутья лифтовой решетки лестничная площадка, а на ней – две ноги в

⁹ Холл Рэдклифф (1880–1943) – английская поэтесса и писательница, автор опубликованного в 1928 г. романа «Колодец одиночества».

поношенных, изготовленных вручную кожаных ботинках из магазина Tricker's на Джермин-стрит. Во время моих визитов к писателю и путешественнику Уилфриду Тэсиджеру мы подолгу беседовали – подчас до глубокой ночи, – пока за окном мерцал огнями перекинутый через Темзу мост Альберта.

Его называли последним из викторианских исследователей, но его ненависть к двигателю внутреннего сгорания и уважение к мировоззрению коренных народов подтолкнули более молодых авторов, таких как Левисон Вуд и Рори Стюарт, дать ему новое прозвище – первый хиппи. Хотя с именем Тэсиджера связана история о том, как он подружился с бедуинами и пересек пустыню Руб-эль-Хали, он также был заядлым библиофилом, поэтому мы много разговаривали о книгах: передо мной сидел человек, в коллекции которого имелось подписное издание «Семи столпов мудрости» в обложке, изготовленной из обломков деревянных пропеллеров со сбитого в Хиджазе турецкого самолета 1915 года, – редкость, о которой, похоже, не слышал ни один книготорговец, с которым мне доводилось общаться.

На каталожной карточке своим мелким ровным почерком Тэсиджер написал мне список из шести книг, которые были ему особенно дороги. Среди них было «Возвращение в Брайдсхед» (тогда я впервые услышал об этой книге), но ему пришлось сделать оговорку: он был хорошо знаком с Ивлином Во, когда жил в Абиссинии, и, по его словам, это был

«тот еще треклятый тип», и он никогда не принял бы его за автора столь замечательного произведения. У Тэсиджера, который был удостоен ордена «За боевые заслуги» за храбрость, проявленную в сражении против сил Муссолини в Абиссинии, а позднее поступил на службу в недавно учрежденную специальную авиадесантную службу вооруженных сил Великобритании, сложилось совсем не лестное мнение о Во, явившемся доложить о вторжении итальянских войск в большой широкополой шляпе. «Эта чертова *шляпа*», – говорил Тэсиджер, качая головой при воспоминании об этом, но все же с тенью улыбки на лице.

Теперь, став книготорговцем (в то время я им еще не был, а был лишь докторантом, усердно трудившимся над диссертацией по истории), я знаю, что «Брайдсхед» стал заветной книгой для многих людей, независимо от их пола и возраста. Рассказанная Во история о жизни аристократии продается неизменно хорошо благодаря его дурманящей прозе и – по крайней мере, мне так кажется – его способности всколыхнуть в душе читателя некое неуловимое ощущение прекрасного, не лишая его неуловимости.

Недавно ко мне в магазин зашла одна девушка и сказала: «Я только что прочла “Возвращение в Брайдсхед”. Эта книга... другая, она меня по-настоящему потрясла, и теперь мне нужно что-то, что можно прочесть следом, – понимаете, что-нибудь, что действительно *берет за душу*».

Непростой вопрос, непосредственно касающийся удо-

вольствия, которое мы получаем от чтения: есть книги, прочесть которые своего рода долг, а есть те, ради которых ты просыпаешься спозаранку и нарочно медлишь, приближаясь к развязке, чтобы отсрочить расставание. Ни Достоевский, ни Диккенс не сгодились бы той покупательнице. Она поняла бы необычную творческую цель, которую ставил перед собой Набоков. В одном интервью, которое в плохом качестве было записано для телевидения в 1950-х годах, он сказал (так быстро, что мне пришлось несколько раз перематывать, прежде чем я смог разобрать слова), что писал не ради того, чтобы тронуть сердце читателя или повлиять на его разум, а чтобы «добиться той пробегающей по позвоночнику дрожи, что знакома профессиональному читателю». Требовался быстрый и решительный укол внутривенно. Я стал вспоминать свои собственные «тотемные» книги: может, «Автокатастрофа» Дж. Г. Балларда? Не годится: однажды, вступившись за эту книгу, я спровоцировал драку в пабе, в лондонском Фулхэме (меня среди участников не было). Мы положили перед покупательницей «Я захватываю замок», «Убить пересмешника», «На охоте»¹⁰ и «Франкенштейна». Позже я узнал, как это часто бывает, что она осталась чрезвычайно довольна первой из этих книг – романом Доди Смит – и удивлялась, что о нем мало кто знает.

В списке Тэсиджера также оказалась опубликованная в

¹⁰ «The Shooting Party» (1980), роман британской писательницы Изабель Колгейт.

1943 году книга альпиниста Эрика Шиптона «На той вершине» (Upon That Mountain). На протяжении многих лет Тэсиджер не раз упоминал, что потерял эту книгу и никак не мог отыскать новый экземпляр. Лишь теперь, вспоминая об этом, я вдруг понял: как это ни парадоксально, он *хотел*, чтобы эта книга ему не попала. Она была для него окутанной дымкой мечтой, предметом желаний, чем-то, что напоминало, как писал в своем шедевре его товарищ, любивший неуместно огромные головные уборы...

...ту низенькую дверь в стене, которую, как я знал, и до меня уже находили другие и которая вела в таинственный, очарованный сад, куда не выходят ничьи окна¹¹.

«Куда не выходят ничьи окна» – вот в чем кроется сила заветной книги. Это нечто чрезвычайно личное, ею редко становятся произведения, за которые автор был удостоен премии, или современные бестселлеры – это личное открытие, откровение, нечто, спровоцировавшее замедленный взрыв в доселе необитаемой пустыне души.

Некоторые находят в заветной книге прелесть утраты: «На той вершине» – книга о сладостной потере возможности реализовать мечту. Тэсиджер много говорил о горе Нандадеви, что «многих жен сделала вдовами», – эта гималайская вершина противилась всякой попытке к ней приблизиться. Кни-

¹¹ Цитата из романа Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед». Перевод И. Бернштейн.

га Шиптона повествует о неудачной попытке ее покорить. Возможно, этим и объясняется редкость этой книги: она совсем не похожа на хроники покорения очередной вершины.

Через семнадцать лет после кончины Тэсиджера в одном букинистическом магазине я отыскал экземпляр «На той вершине», опубликованный издательством Pan Books в 1956 году. Я храню его рядом с подписанной копией «Аравийских песков» (Arabian Sands).

Все, кого я просил объяснить, в чем заключается притягательность дорогих им книг, пытались уйти от ответа, поэтому я перестал спрашивать напрямую. Зачастую, подобно шпионам, захваченным в плен во время военных действий и вынужденным назвать свое имя, звание и личный номер, они сообщают мне название книги, ее автора и, возможно, формат – мягкая или твердая обложка. Затем они меняют тему разговора, не желая выдавать секретов своего внутреннего мира. Они оберегают свое горное святилище, ведь, без сомнения, заветная книга – это нечто, навсегда остающееся чем-то личным. Говорить о ней всуе было бы неправильно – все равно что прилететь на вершину Нандадеви на вертолете.

По мере того как мы взрослеем, сила нашего воображения все глубже прячется под личиной нашего обыденного «я», чтобы снова показаться на свет, скажем, в моменты, когда в нашу жизнь приходит любовь или смерть, когда мы находимся на природе или сворачиваемся калачиком с книгой в руках. Шиптон начинает свою книгу такими словами:

Любой ребенок, я полагаю, проводит немало времени, предаваясь грезам о деревьях, о двигателях или о море... Иногда эти душевные порывы стихают, но иногда нужно совсем немного, чтобы оказать решающее влияние на течение всей нашей жизни.

«Решающее влияние на течение всей нашей жизни»: заветная книга – способ продлить этот эффект. Неудивительно, что люди замыкаются в себе, стоит спросить их о самой дорогой сердцу книге: задавая вопросы, я нарушаю чудом сохранившийся поток детских мыслей, а это материя очень тонкая. Будучи детьми, мы пребываем в блаженном неведении о бытовых заботах, которые однажды засорят этот мыслительный поток. Мы вырастаем, считая чем-то само собой разумеющимся воображаемый мир, такой же богатый, как тот, что изображен в книге «Тысяча и одна ночь».

Моя сестра Сара, самая младшая из восьми детей, в детстве очень любила одну книгу, но никогда о ней не рассказывала, пока я не попросил. В этой книге под названием «Дети из старого дома» (The Children of the Old House) рассказывается о большой семье, члены которой обживают и ремонтируют обветшалый дом, преодолевая многочисленные невзгоды. Сара выросла именно в таком доме и начала работать детской медсестрой в больнице на Грейт-Ормонд-стрит. Вновь и вновь я подмечаю, что книги, которые становятся дороги нам в детстве, чуть ли не с комичной точностью, которой сам человек иногда и не замечает, предвосхищают

жизненный путь, который мы выбираем повзрослев.

Сегодня утром, пока я писал этот отрывок, сидя в кафе в городе Кентербери, в дверях появилась молодая пара с рюкзаками и деревянными походными палками. Мы разговорились, и я спросил их, какие книги были дороги им в детстве. Выяснилось, что им обоим двадцать один год и они пешком, дикарями путешествуют из Бордо в Ирландию без конкретного маршрута. Захария Фасси противостоял авторитету своего деспотичного отца, погружаясь в чтение книги «Мужчины не плачут» (*Un homme ça ne pleure pas*), которую написала его землячка, французская писательница алжирского происхождения Фаиза Гэн. Его подруга Лелия Галин, побритая наголо дочь водителя грузовика, смогла пережить «дурдом», царивший в доме ее детства, благодаря малоизвестной сказке, где рассказывается об огре¹², которого смогла усмирить любовь. Они говорили о своих любимых детских книгах тихо, благоговейно, и, как оказывается, они никогда раньше никому о них не рассказывали. Эти книги сформировали их чувствительность и лучше любой болтовни могли объяснить причины их решительного побега.

Недавно в поезде, по пути из Лондона в Кентербери, я беседовал с адвокатом Самантой, которая возвращалась со слушания по делу об убийстве, состоявшегося в Центральном уголовном суде Лондона.

¹² Огр – злобный великан-людоед, персонаж кельтской мифологии. – *Примеч. ред.*

Я. Какую книгу вы любили в детстве?

Саманта. О, мне нравились книжки про Питера и Джейн, с заданиями для разучивания новых слов, а еще Диккенс, «Повесть о двух городах», «Отверженные» и...

Я (*перебивая, почувствовав, что она начала перечислять произведения для не по годам развитого ребенка*). Подождите, я имел в виду, какая книга была дорога вам лично, согревала вам душу, когда вы были маленькой?

Саманта. О, я просто обожала «Золушку» в твердом переплете.

Золушка, подумал я, которую обижали две сводных сестры и злая мачеха, три страшные силы, – притча о ней как нельзя лучше описывает жизнь Саманты, которая каким-то образом покорила адвокатское сообщество несмотря на то, что родилась в Тринидаде и Тобаго в рабочей семье и была женщиной. Она согласилась, что, несмотря на белую кожу Золушки и немаловажную роль пустоголового принца на белом коне, для нее это была сказка об освобождении.

Тот же принцип лежит в основе американской детской сказки «Паровозик, который смог» (The Little Red Engine That Could)¹³, экземпляр которой несколько лет назад был выставлен на торги в Нью-Йорке, сильно потрепанный, с каракулями и пометками карандашом, словно сделанными дет-

¹³ В этой популярной американской сказке, по распространенному мнению, метафорически отражена «американская мечта».

ской рукой. Когда-то эта книга принадлежала Мэрилин Монро.

Когда мне было лет одиннадцать, моей заветной книгой был «Сад времени» (The Time Garden). Она так много для меня значит, что я ни разу никому о ней не рассказывал, да и не думал о том, почему она мне так дорога. Меня, как и Тэсиджера с его любовью к книге Шиптона, ни разу, ни на мгновение не посещало желание отыскать экземпляр этой книги и перечитать ее, а до сегодняшнего дня я и вовсе ни разу не задумывался о том, почему же, в конце концов, она так много для меня значит. Речь в ней идет о мальчике, который встречает на залитой солнцем мощеной тропинке в глубине сада камышовую жабу, и та каким-то образом наделяет его способностью путешествовать во времени. Эта история – настоящая квинтэссенция всех моих детских устремлений: загадки, природа, таинственные сады, животные, которые знают больше, чем кажется на первый взгляд, и путешествия в другие исторические эпохи.

Несколько лет спустя, во время бурного подросткового периода, в моей жизни появился новый защитный амулет – не теряющий популярности роман «Серебряный меч»¹⁴. Это разворачивающаяся на фоне Второй мировой войны история учителя, чей дом в варшавском гетто оказывается разрушен во время бомбежки. Он встречает бездомного маль-

¹⁴ «The Silver Sword» (1956) – книга британского писателя Иэна Серрайлиера (1912–1994).

чика, который хранит в коробке из-под обуви свои детские сокровища, связанные с приятными воспоминаниями; среди них по какой-то причине оказывается крошечный серебряный меч. Пытаясь отыскать эту книгу, я почему-то решил, что она называется «Меч в камне». Теперь мне ясно, что ужасы средней школы разрушали символическую крепость моего внутреннего мира, но я мог втайне ото всех сохранять связь с ним при помощи нескольких оберегов, хранящихся в моей метафорической коробке из-под обуви. Образ крошечного меча неизбежно вызвал ассоциацию с миром короля Артура, хотя в книге рассказывалось всего-навсего о ноже для бумаги, принадлежавшем жене учителя, которая погибла при бомбежке. Сила этой книги продолжает жить в сердцах моих повзрослевших детей («Мне очень понравилась та книжка про меч», – сказал Оливер; а Индия призналась: «Мне так хотелось, чтобы у меня был такой меч!») и моих покупателей.

Я где-то читал о маленькой девочке из Англии, чья умственная активность была столь необычной, что ее состояние нельзя было описать в терминах современных «патологий», таких как СДВГ¹⁵. Она была интеллектуально развита, но при этом ее постоянно что-то отвлекало – некая потребность. Докторам не удавалось разгадать, в чем ее проблема,

¹⁵ СДВГ – синдром дефицита внимания и гиперактивности – психическое расстройство, для которого характерны трудности концентрации внимания, гиперактивность и импульсивность. – *Примеч. ред.*

пока ее не привели к одному лондонскому специалисту. Тот опоздал на работу, а приехав, увидел, что ждавшая в приемной девочка без конца постукивала ногами по полу. Когда она зашла в кабинет, он сказал: «Просто ей нужно танцевать, вот и все». Та девочка стала солисткой балета в театре Ковент-Гарден. Интересно, что она читала в детстве.

Книги многое могут рассказать о наших детских грезах, которые переносятся во взрослую жизнь. Не обязательно цитировать французского мыслителя Гастона Башляра, чтобы знать, «какое преимущество глубины свойственно детским грезам! Счастлив ребенок, который обладал – поистине обладал – часами одиночества! Благоотворно, полезно для ребенка некоторое время поскучать, познавая диалектику неумных игр и беспричинной скуки, просто скуки», но мы можем посочувствовать философу, который восклицает: «Чердак моей скуки, сколько раз я с сожалением вспоминал о тебе, когда суета жизни отнимала у меня крохи свободы!», и по достоинству оценить оптимистичную настойчивость, с которой он утверждает, что «в царстве абсолютного воображения молодость бывает поздней».

Заветные книги помогают нам пережить то, что Ницше называл «ужасом бытия». Мишель де Монтень, сидя в своей башне-библиотеке, так писал о любимых книгах: «Они – наилучшее снаряжение, каким только я мог бы обзавестись для моего земного похода»¹⁶. Иногда люди носят их с собой,

¹⁶ Перевод А. С. Бобовича. Цит. по изд.: *Монтень М. Опыты. Избранные про-*

словно амулеты: Александр Македонский во время походов не расставался с томиком Гомера – книгой, преисполненной ностальгии, то есть в буквальном смысле тоски по дому.

Не единожды любимые книги помогали участникам сражений превозмочь ужасы войны. Наполеон во время военных кампаний держал под рукой «Страдания юного Вертера» Иоганна Гёте – интересный выбор, учитывая, что эта книга повествует об экзистенциальном кризисе, приводящем к мыслям о самоубийстве. Быть может, размышления о суициде служили противовесом императорской гордыне, подобно тому как на колеснице за спиной у римских императоров во время победных шествий всегда стоял мальчик, шептавший на ухо императору: «Всякая слава преходяща». (Тот мальчик, должно быть, жутко действовал на нервы.)

Смысл, который находил сражавшийся против французов в Канаде генерал Вольф в строках потрепанного издания «Элегии, написанной на сельском кладбище» Томаса Грея, если не считать того, что она напоминала ему об Англии, можно уловить в отрывке, который он подчеркнул двойной чертой: «И путь величия ко гробу нас ведет!»¹⁷ Он был убит в Квебеке в возрасте тридцати двух лет. В годы Первой мировой войны во время длительных переходов на верблюдах Лоуренс Аравийский читал пьесы Аристофана на древнегреческом, чтобы не забывать об абсурдности жизни. Так и плот-

изведения: В 3 т. М.: Голос, 1992. Т. 3.

¹⁷ Перевод В. А. Жуковского.

ник из Глазго Джеймс Мюррей, рывший траншеи во Фландрии, находил возможность что-то противопоставить войне, держа в кармане любимый томик Гёте на немецком. Сложно представить себе, что солдаты на фронте могут делиться любимыми книгами, но капитан Фергюсон настойчиво доказывал Вальтеру Скотту, что в самые тягостные дни войны с Наполеоном в Испании в преддверии сражения он читал товарищам эпическую поэму Скотта «Дева озера»: «Эпизод с охотой на оленя особенно нравился суровым сыновьям Третьей дивизии».

Более убедительно о реакции бойцов на передовой рассказывает романист Стендаль, служивший в пехоте во время чудовищного отступления Наполеона из Москвы: ему служило утешением собрание сатирических высказываний Вольтера в красном кожаном переплете, вынесенное из горящего дома в Москве. Он пробовал читать его тайком у костра, но сослуживцы смеялись над ним, считая, что это слишком поверхностное занятие, учитывая обстоятельства; он оставил книгу на снегу.

Греет душу пацифизм, которым проникнута история еще одного читателя, Уильяма Гарвея, первооткрывателя кровеносной системы, который во время битвы при Эджхилле спрятался в живой изгороди и читал двум мальчикам вслух. Как рассказывает Джон Обри в своей книге «Краткие жизнеописания» (ок. 1680), он читал, пока «землю рядом с ними не пропахал гигантский снаряд, что заставило их перебраться-

ся в другое место».

Откуда же берутся заветные книги? Часто из самого неожиданного источника, и сама необъяснимость их появления подчас наделяет их *маной* – это непере译имое полинезийское слово обозначает силу, которой может обладать физический предмет. (Патрик Ли Фермор использовал это слово, рассказывая о своем дневнике путешественника в зеленом переплете.) Не всем нам, как Александру Македонскому, повезло учиться у таких выдающихся умов, как Аристотель, которые могли бы порекомендовать нам произведения Гомера. Гораздо вероятнее, что большинству из нас любимые книги детства попались случайно в библиотеке или книжном магазине. Редактор детского журнала Энн Мозли в 1870 году заметила, что книга, которую «предлагает учитель, никогда не сыграет определяющей роли в жизни ребенка: столь сильное влияние может оказать лишь книга, попавшая к нему в руки по воле случая», прямо как старое издание «Потерянного рая», которое в коробе для муки отыскал Давид Грив, мальчик из одноименного романа английской писательницы Мэри Уорд, опубликованного в 1891 году: «Он не мог оторваться от книги все утро, лежа в скрытом от глаз углу овчарни, и ритмичные строки отпечатывались в его уме, словно заклинания».

Рекомендации бывают полезны, но мы всегда жаждем неожиданного открытия, находки, которая сама по себе была бы невероятна. «Каким-то образом, – недоумевал автор

«Моби Дика», – чаще всего нашими верными товарищами становятся книги, попавшиеся нам случайно». Дороти Вордсворт согласилась бы с ним, услышь она эти слова в тот день, когда спустилась в уютный, отгороженный закуток трактира в Озерном краю, где горел камин, пока за окнами бушевала непогода. Ее брат Уильям...

...вскоре решил взглянуть на книги, сложенные стопкой в углу у окна. Он вытащил издание «Оратора» Уильяма Энфилда и случайно попавшийся томик Конгрива¹⁸. Мы пили теплый ром с водой, и нам было хорошо.

Если найдутся сторонние недоброжелатели, такая книга может стать еще более пленительной. Известный английский поэт-роялист Абрахам Каули в детстве случайно нашел в спальне матери поэму «Королева фей», с тех пор судьба его была «предрешена». Любимым занятием писателя Викторианской эпохи Огастуса Хэра, когда он был ребенком, долгое время было вылавливание регулярно печатавшихся отрывков «Посмертных записок Пиквикского клуба» из бабушкиной мусорной корзины, в то время как его современник, поэт и писатель Эдмунд Госс испытывал необычайное, граничащее с фетишизмом любопытство по отношению к коробке

¹⁸ Энфилд Уильям (1741–1797) – британский священник, опубликовавший популярную книгу о риторике; Конгрив Уильям (1670–1729) – британский драматург и поэт эпохи классицизма, один из основоположников британской комедии нравов.

из-под шляп, что стояла в не застеленном коврами чулане. Однажды, без разрешения открыв ту коробку, он обнаружил, что в ней было... пусто! Если не считать стенок, обклеенных изнутри страницами какого-то нашумевшего романа. Тогда он принялся читать, «встав на колени на голом полу и испытывая неопикуемый восторг попеременно со сладостным страхом, что мать вот-вот вернется, прервав его на середине одного из самых волнующих предложений».

Почему детям так нравится читать с фонариком, с головой забравшись под одеяло, когда им велено спать? Недавно я узнал, что каждый из моих пятерых детей передавал знание об этом занятии младшему, словно необходимый для выживания навык. В былые времена, еще до изобретения фонариков, в этом была и своеобразная романтика: Конан Дойл читал исторические романы Вальтера Скотта «при свете огарка свечи... до глубокой ночи», замечая при этом, что «чувство недозволенности добавляло сюжету смака».

Тонкое искусство советовать

Заветной книгой можно поделиться с близким другом, однако это не менее тонкое искусство, чем ловля форели голыми руками или разведение орхидей. Если вам хочется, чтобы другой человек оценил тронувшую ваше сердце книгу, следует проявить своего рода безразличие, намекающее: не хочешь – не читай. Чрезмерный энтузиазм взваливает на плечи вашего друга непосильное бремя: теперь и для него знаком-

ство с этой книгой должно стать переломным моментом и так же глубоко его впечатлить, иначе выйдет, будто он человек слишком поверхностный или недостаточно ценит дружбу с вами. И вот позаимствованная у друга заветная книга пылится на полке, бесшумно излучая волны угрызений совести, – с каждым такое случалось.

Генри Миллер, автор романов о сексе и богеме, писал о подобном опыте. Однажды его близкий друг, сумев проявить деликатную искусность, соблазнил его прочесть притчу Германа Гессе «Сиддхартха»:

Человек, познакомивший меня с этой книгой, использовал ту самую хитроумную тактику, о которой я говорил ранее: почти ничего не сказав о самой книге, он упомянул лишь, что эта вещь *для меня*. Его мнение оказалось достаточным стимулом. Это и в самом деле была книга «для меня»¹⁹.

Сколько судеб изменила эта книга! В семидесятых благодаря ей многие молодые люди решили отказаться от участия в крысиных бегах и предпочли жизнь, больше напоминающую странствование. Именно такой эффект она произвела и на меня: я устроился работать в книжный магазин и много путешествовал, располагая весьма скудным бюджетом. Помню, как однажды в 1975 году пролетал над Верхним Нилом, сидя в «Комете» авиакомпании Sudan Airways

¹⁹ Перевод Е. Мурашкинцевой. Здесь и далее цит. по: *Миллер Г.* Книги в моей жизни: Эссе. М.: Б.С.Г. – ПРЕСС, НФ «Пушкинская библиотека», 2001.

рядом с берлинцем с превосходной осанкой – он был из числа тех, кто не видит нужды в праздной болтовне. Я же человек слабохарактерный, поэтому, оказавшись в такой компании, предпринимаю тщетные попытки заполнить любую возникающую в разговоре паузу, словно птица, бессмысленно бьющаяся в оконное стекло. Я порыскал в памяти в поисках благовидного предлога завязать беседу, однако о Германии я имел весьма отдаленное представление, которым был обязан просмотру фильма «Разрушители плотин» 1955 года, где речь идет о военной операции британских ВВС в Рурской области – не самая удачная идея для вступительной реплики. Но тут мне на ум пришла «Сиддхартха», и меня понесло. «Да, многие молодые люди в Великобритании сейчас ее читают – она и впрямь меняет мировоззрение», – восторгался я. Медленно переведя взгляд с инструкции по использованию гигиенического пакета на сигнал «Пристегните ремни», мой попутчик лаконично ответил: «Не сомневаюсь» – и тут же потянулся за выпуском ежедневной газеты Die Welt за прошлый месяц.

Если бы сорок лет спустя ему случилось оказаться в самолете рядом с Пауло Коэльо – третьим по популярности автором бестселлеров в мире, перу которого принадлежит небезызвестный «Алхимик», – у того гораздо лучше получилось бы объяснить всю суть «Сиддхартхи». Во вступлении к одному недавнему изданию Коэльо пишет: «Гессе за несколько десятилетий до прихода моего поколения почув-

ствовал присущую всем нам острую потребность распоряжаться тем, что поистине и по праву принадлежит каждому, – собственной жизнью». «Алхимик» – это заветная книга, ставшая преемницей «Сиддхартхи». Недавно я познакомился с покупательницей, которая читала этот аллегорический роман шесть раз. Она уверена, что и впредь не раз будет к нему возвращаться, когда в жизни что-нибудь пойдет наперекосяк.

Покупатели, которые берут у меня в магазине «Сиддхартху», обычно преисполнены решительного спокойствия: они слышали, как люди рассказывают об этой книге (наверное, так вы бы стали описывать ранние песни Боба Дилана инопланетянину), а некоторые с искрой надежды покупают ее в подарок любимому человеку.

Миллеру не удалось перенять стратегию, побудившую его к прочтению «Сиддхартхи», и уговорить друзей прочитать его собственную заветную книгу – малоизвестный роман Бальзака «Серафита». Никто из них не клюнул на наживку, хотя Миллер даже рассказал им историю о студенте, который пристал к Бальзаку на улице, умоляя позволить ему поцеловать руку, написавшую это новаторское произведение, воспевающее феномен андрогинии. Миллер слишком уж старался заечь других переполнявшей его любовью к заветной книге. В автобиографии, основанной на интервью и беседах, он, однако, воздержался от того, чтобы напрямую рекомендовать читателям «Сиддхартху», сознавая, что «чем меньше

будет сказано, тем лучше».

Когда дело касается книг, связанных с внутренними переживаниями, советы и впрямь становятся филигранным искусством. Миллер отмечает, что важна не формулировка как таковая, а «окутывающая слова аура» – именно она способна пробудить интерес к чьей-то заветной книге. Миллер призывает нас быть чуткими к таким «подспудным, интуитивно ощутимым посылам». По-моему, именно такой посыл исходит от Миллера, когда он заканчивает одну из глав ссылкой на книгу «Раунд» (The Round) Эдуардо Сантьяго. Этому автору чужда жажда популярности в инстаграме, он не овеян жуткой славой убийцы, казненного на электрическом стуле, это никому не известный кубинский оккультист, о котором даже в интернете ничего не найдешь. Слова Миллера – «сомневаюсь, что в мире найдется хотя бы сотня людей, способных проявить интерес к последней книге» – служат бесприманкой. Чем эксцентричнее заветная книга и чем труднее ее раздобыть, тем она притягательнее.

Когда-то в моем книжном магазине работал на редкость малообщительный продавец, которым я втайне восхищался за его литературный вкус, хоть он и вызывал во мне чувство неполноценности. Однажды, подняв взгляд от каталога, опубликованного каким-то малоизвестным американским университетским издательством (к моей немалой зависти и остервенению, он мог часами сидеть, внимательно изучая эти каталоги), он тихо и восторженно произнес с отчет-

ливым камбрийским акцентом, обращаясь скорее к самому себе:

– Ах, наконец-то «Бездну» перепечатали.

Я не удержался и спросил:

– Что за «Бездна», Джордж? Объясни несведущему.

– Что ж, Мартин, я тебе расскажу, если ты выключишь эту чертову дрянь. (Надо признать, в восьмидесятые я часто ставил в магазине этническую музыку.) И вообще, что это за альбом? Стой, не говори. Очередное исполнение Моцарта на носовой флейте?

Я обиженно вступился за бурундийский дуэт, игравший на гуиро и цитре, заявив, что они покорили всю Африку к югу от Сахары, но он меня не слушал. Я выключил музыку.

– Онетти?.. – произнес он, приподняв правую бровь, что сделало его похожим на Спока.

Я никогда прежде не слышал этого имени. Преисполненный отвращения, Джордж снова принялся делать пометки в своих каталогах, бормоча: «А завтра ты скажешь, что ни разу не слышал о премии Сервантеса...»

Разумеется, о ней я тоже ничего не слышал, и осознание собственного невежества кольнуло в самое сердце, усилив чувство ущербности и как управляющего, и как человека. Я поинтересовался:

– Ладно, ну и что же это, черт подери?

– А, да так, всего лишь самая престижная литературная премия для авторов, пишущих на языке, который занима-

ет второе место в мире по количеству носителей, – ответил Джордж. – Но с чего бы тебе это знать, если ты проводишь все время за чтением чудаков вроде Киплинга? Онетти получил ее в 1980 году.

– Так, стоило мне один раз признаться, что я читал «Человека, который хотел стать королем» – которым, кстати, восхищался твой досточтимый Элиот, – и теперь ты упорно пытаешься меня заклеить, словно я собственноручно расстреливал людей во время Амритсарской бойни.

Молчание.

Тогда я сказал, теперь уже примирительным тоном управляющего:

– Ладно, так кто такой этот Онетти? Мне жаль, что я о нем раньше не слышал. Ты уж извини, что я тут дышу рядом с тобой. Просто мне приходится тратить время на то, чтобы, например, найти стоящую уборщицу и избавить нас от бесконечных писем с жалобами на грязь в уборной, на которые тебе отвечать не приходится, – вот почему я получаю больше, чем ты, правда, еще и лысею при этом.

Джордж, качая головой и переворачивая страницу каталога, опубликованного издательством Аризонского государственного университета, ответил:

– Чтоб ты, бескультурный южанин-империалист, знал: Хуан Карлос Онетти – это... – он бросил взгляд на отдел художественной литературы, расположенный напротив наших письменных столов, – это уругвайский Толстой.

Со дня того памятного разговора о литературе я отношусь к Онетти с тем же благоговейным почтением, какое Миллер питал к Эдуардо Сантьяго.

Придать книге очарования и превратить ее в заветную способны ее труднодоступность или осознание, что она попала в ваши руки волею судьбы. Однако того же эффекта, как это ни парадоксально, можно добиться, купив книгу в определенном магазине. К примеру, некоторые покупают местные книги в качестве утешительных сувениров в память о поездке.

Уверен, это распространенное явление. Скажем, отправляясь в отпуск в места, непохожие на знакомый и привычный Кент, я ловлю себя на том, что, покупая книги, преследую особую цель – увезти домой напоминание об очередной одиссее. Пробегая взглядом по книжным полкам, я нахожу такие покупки – своего рода брайтонские леденцы²⁰ или сомбреро, разве что еще более бесполезные: «Геология острова Малл», «Дикая растительность Северного Кипра» и «Призраки Северного Уэльса». Эти колдовские книги не только отличаются местным колоритом, но даже на ощупь кажутся другими, ведь они были напечатаны на звякающих печатных станках Обана²¹, Киринии²² и Пуллхели²³. Именно

²⁰ Во многих прибрежных городах Великобритании, в том числе в Брайтоне, продаются популярные среди туристов леденцы в форме разноцветных палочек с надписью – как правило, названием курорта. Именно эта сладость дала название роману Грэма Грина «Брайтонский леденец».

²¹ Обан – курортный город на западе Шотландии.

физический облик книги подчас играет решающую роль, делая ее заветной. В зыбкой сельве личных переживаний чувства так обострены, что книга может стать талисманом.

Чувственное удовольствие

Любовь к книге тесно связана с ее физическим обликом. Это было бы трудно объяснить инопланетянину: как можно любить книгу – обыкновенный носитель информации – за ее запах или за то, что она приятна на ощупь? За тридцать лет работы на кассе в книжных магазинах мне много раз доводилось слышать разговоры о том, что времена меняются: бумажные книги отжили свой век, спрос на них упал, тиражи слишком велики и тому подобное, – но физическая реакция покупателей на книги всегда остается неизменной. Очень многие обнимают, а женщины на удивление часто целуют только что купленную книгу.

Женщины, которых я спрашивал, отмечали, что при покупке одежды, казалось бы имеющей больше отношения к миру чувственности, подобного не происходит. Быть может, именно представление о книгах как о порталах, способных перенести нас в бесконечное прошлое, побуждает к поцелую – своего рода естественному выражению трепета перед предметом, за безмолвием которого скрывается так много. Реак-

²² Киринаия – портовый город на северном побережье Кипра.

²³ Пуллхели – город в Уэльсе, расположенный на полуострове Ллайн, на побережье Ирландского моря.

ция посетителей лондонской галереи «Тейт Модерн» на одну инсталляцию 2019 года проливает свет на столь загадочное поведение. Исландский художник Олафур Элиассон поместил у дверей галереи глыбы льда, когда-то бывшие частью Гренландского ледникового щита, возраст которых насчитывает 15 000 лет. К его удивлению, при виде льда, от которого веяло древностью, многих женщин тянуло его поцеловать.

Тайная история наслаждения, которое женщины получают от книг, уходит в далекое прошлое. Духовная наставница Микеланджело Виттория Колонна целовала свой томик Данте, что вдохновило забытую викторианскую поэтессу Кэрролайн Феллоуз на стихотворение «Песнь книге» (The Book-Song):

Виттория, страницу дочитав, вдруг с нежностью ее поцеловала,
Перевела дыханье не спеша и имя дорогое прошептала.

В XVII веке напыщенный зануда, автор шеститомной медицинской энциклопедии Филип Салмут попытался отнести к разряду патологий поведение маленькой девочки, которая «испытывала чрезвычайное удовольствие, вдыхая запах старых книг».

Член Британской академии Марина Уорнер²⁴ описывает,

²⁴ Уорнер Марина (р. 1946) – британская писательница и историк, профессор и лектор многих британских университетов, автор научно-популярных книг, посвященных мифам, символам и сказкам.

как чуть с ума не сошла от радости, отыскав в лондонской Аркадской библиотеке старое издание «Тысячи и одной ночи». Вот что она пишет об этой книге:

...она дарит наглядное представление о жизни книг... от тысяч прикосновений переплет стал мягче, страницы истрепались или порвались, в некоторых местах пришлось залатать их и оклеить по краям, чтобы они не рассыпались, – эти издания зачитаны до дыр... от них веет старостью, живым запахом человеческих рук и дыхания.

Романтики XIX века разделяли трепетные чувства Уорнер к старым книгам, которые покрылись налетом, пропитались историей, были приятны на ощупь и имели характерный запах. Гости, приезжавшие в «Голубиный коттедж» Вордсворта, удивлялись, как мало у него дома книг – все они хранились в нише рядом с печной трубой, «переплет если и был, то ветхий, а некоторые издания рассыпались в руках». Известен случай, когда Кольридж поцеловал свой старый экземпляр Спинозы, а добропорядочный юрист Генри Робинсон в 1824 году был поражен закутком, где хранились любимые потрепанные книги Чарлза Лэма²⁵:

Заглянул к Чарлзу. У него самая что ни на есть чудесная коллекция ветхих книг, которую мне доводилось видеть... грязные тома, до которых человек щепетильный вряд ли рискнет дотронуться...

²⁵ Лэм Чарлз (1775–1834) – английский поэт, эссеист и литературный критик.

он обожает своих «потрепанных ветеранов» и, выбрасывая новые книги, оставляет хлам, который любил мальчишкой.

Одним из тех ветеранов было издание Гомера в переводе Чапмена²⁶, которое, как говорят, он однажды поцеловал. Лэм безо всякого стыда писал в одном эссе о том, что обнимается со своими «полуночными возлюбленными» – книгами, «которые многократно перечитывали и бросали где попало».

Что касается мужчин, их чувственная связь с книгами стала чуть более сдержанной с укоренением викторианских устоев, впредь им приходилось воздерживаться от того, чтобы проявлять свои эмоции. Рассказывают, как Теккерей однажды приложил сочинения Лэма ко лбу и в экзальтации воскликнул: «Святой Чарлз!» – всего лишь слова, никаких поцелуев. С наступлением эпохи паровых двигателей, коренным образом изменившей книгопечатание, многие стали одержимы запахом новых книг. Диккенс, а несколько позднее и Джордж Гиссинг²⁷ обожали доносящийся из дверей книжного магазина аромат свежей бумаги. В XX столетии мне удалось отыскать одного-единственного человека, открыто проявлявшего эмоции по отношению к книге, но и тот в 1927 году уже был стариком:

²⁶ Чапмен Джордж (ок. 1559–1634) – английский поэт, драматург и переводчик, прославившийся главным образом переводами произведений Гомера.

²⁷ Гиссинг Джордж Роберт (1857–1903) – английский писатель, автор натуралистических романов, в которых повествует о жизни городской бедноты.

Когда Гарри Смит купил на аукционе издание «Королевы Маб» с подписью Шелли, адресованной Мэри Уолстонкрафт²⁸, к нему подошел один пожилой библиофил и, смахивая с глаз слезы, спросил, нельзя ли ему хотя бы пару минут подержать эту книгу в руках.

С точки зрения нейрофизиологии, в любви к запаху книг нет ничего противоестественного. Широко известно, что обоняние – это чувство, наиболее тесно связанное с работой памяти, однако это отнюдь не единственное, с чем оно сопряжено. Пациенты с повреждениями той части мозга, которая отвечает за способность рассказывать истории и строить повествование, начинают в большей мере опираться на язык и буквалистское понимание слов. Такие люди «испытывают трудности с распознаванием контекста, интуитивной обработкой информации и расшифровкой метафор». Они «придают сказанному преувеличенно интеллектуальный характер и теряют способность воспринимать повествование во всей его полноте». Обоняние, заключает психиатр Иэн Макгилкрист в книге «Хозяин и его подопечный: раздвоенный мозг и становление западного мира» (*The Master and his Emissary: The Divided Brain and the Making of the Western World*. Yale University Press, 2009), «неразрывно связывает наш мир с интуицией и работой тела». Профессор психоло-

²⁸ Уолстонкрафт Мэри (1797–1851), также известная как Мэри Шелли, – английская писательница, автор книги «Франкенштейн, или Современный Прометей», супруга Перси Биш Шелли.

гии Марчелло Спинелла в статье «Взаимосвязь между обонянием и способностью к эмпатии» (A Relationship between Smell Identification and Empathy), опубликованной в 2002 году в журнале International Journal of Neuroscience, подчеркивает связь между распознаванием запахов и общим психическим здоровьем. Женщин, как правило, с детства учат уделять больше внимания «интуиции и работе тела», одновременно прививая им любовь к историям, поэтому неудивительно, что они нюхают, обнимают и целуют книги.

Первая реакция Сильвии Плат на новость о том, что стихи Теда Хьюза обещали опубликовать, была интуитивной: «Жду не дождусь, – писала она, – когда смогу почувствовать запах типографской краски на этих страницах!» Такая основанная на обонянии чувственность (кстати, французский глагол *sentir* имеет сразу два значения – «ощущать запах» и «чувствовать») проливает свет на слова Фрейда, сокрушавшегося, что единственное, чего он не понимает, так это чего хотят женщины. Как отмечает исследователь и профессор антропологии Дэвид Хауз в своей книге «Чувственные взаимоотношения: роль чувств в культуре и социальной теории» (Sensual Relations: Engaging the Senses in Culture and Social Theory. University of Michigan Press, 2003), «примечательно» отсутствие в трудах Фрейда каких-либо упоминаний о носе.

Похоже, что все эти нюхающие книги женщины и романтики обладали здоровой любовью к повествовательной-

му контексту жизни, который можно почувствовать, вдыхая аромат книг. Физическое восприятие книги есть проявление чувственного начала, как и выбор места, куда мы уходим читать.

Свернувшись калачиком

Забравшись на диванчик в оконной нише, я поджала ноги по-турецки, почти совсем задернула гардину из красного штофа и оказалась в убежище, укрытом почти со всех сторон²⁹.

Шарлотта Бронте. Джейн Эйр

Куда мы уходим, когда хотим устроиться поудобнее с книгой в руках? Наша способность с головой окунуться в книгу кажется жутковатой – как и вопрос о том, где именно мы предпочитаем читать. Отыскав подходящее место, мы забываем о времени, о комнате, где находимся, о кресле, в котором сидим, а следом и о собственном «я». Радикал-самоучка Уильям Коббет³⁰ выразительно описывает подобные переживания. Однажды, заметив в витрине книжного магазина в Ричмонде сатирический памфлет Свифта «Сказка бочки», он купил его, потратив предназначавшиеся на обед три пенса, перелез через ограду и оказался в поле, в верхней

²⁹ Перевод И. Г. Гуровой.

³⁰ Коббет Уильям (1763–1835) – английский политик, публицист, памфлетист и историк, критиковавший социальные и политические порядки Англии своего времени.

части Королевских ботанических садов Кью:

Устроившись в тени стога сена, я все читал и читал, пока не стемнело, ни разу не вспомнив ни об ужине, ни о сне. Когда не стало видно ни зги... я уснул прямо у стога, а проснувшись, снова принялся читать: ничто иное не могло бы доставить мне такого удовольствия.

Существуют удивительные истории о подобном погружении в книгу. Гилберт Кит Честертон читал, сидя в двухколесном конном экипаже, который то и дело трясло и качало на ухабах, писатель не обращал ни малейшего внимания на неудобства, пока, к своему удивлению, не повалился на пол. Его брат Сесил регулярно читал, стоя в переполненном лондонском пабе, держа в одной руке пинту пива, а в другой книгу и «то и дело посмеиваясь». Бомбардировка Великобритании авиацией гитлеровской Германии отнюдь не мешала пожилой миссис Дайбл, экономке, следившей за домом неподалеку от Флит-стрит, где некогда жил Сэмюэл Джонсон, предаваться любимому занятию. В то время как все остальные, услышав сирену, спускались в подвал, она направлялась в излюбленный уголок для чтения на чердаке, где Джонсон написал свой знаменитый толковый словарь.

Способность «погружаться» в книгу объясняется природой нашего сознания – оно напоминает поток. Науке до сих пор не удастся четко объяснить механизм этой диссоциации. Идея о «потоке сознания», впервые высказанная Уилья-

мом Джеймсом³¹ около 1890 года, и сегодня не теряет убедительности. Предложенный Декартом образ сознания, который философ и когнитивист Дэниел Деннет называет «Картезианским театром», давно был признан несостоятельным, а современные идеи нейробиолога Антонио Дамасио, Дэниела Деннета и специалистов в области квантовой физики все как одна указывают на то, что сознание нельзя объяснить механистически как нечто, имеющее несколько самостоятельных уровней. Безусловно, некогда распространенное представление о двухуровневой системе, включающей сознание и подсознание, отжило свой век. Сознание скорее напоминает поток или глубокую реку, нежели машину или лепестковую диаграмму.

Вполне очевидно, что мы то и дело погружаемся и выныриваем, словно амазонские дельфины, несомые этим потоком, когда, скажем, едем в автомобиле по привычному маршруту и наше сознание будто «отключается», или грезим наяву, или улавливаем музыкальный фон во время разговора, или абстрагируемся, игнорируя шум авиационных двигателей. Вымышленные истории Вирджинии Вулф о человеческом бытии выдержали проверку временем успешнее, чем беспрестанно меняющаяся семантика большинства нейронаук. Погружение в книгу сродни тому, что писательница Лесли Джемисон называла «высвобождением из смиритель-

³¹ Цитата из романа Ивлина Во «Возвращение в Брайдсхед». Перевод И. Бернштейн.

ной рубашки самосознания».

Как бы мы ни называли это еще не имеющее названия состояние «погруженности в книгу», выход из него подобен возвращению на землю – отсюда и яркость, которой сопровождается это повторное прибытие, описанное парапсихологом и классицистом Фредериком Майерсом (1843–1901), который вспоминал, как в возрасте шести лет читал Вергилия: «Эта сцена все еще стоит у меня перед глазами: прихожая в доме приходского священника, устеленный яркими циновками пол и стеклянная дверь в сад, через которую в комнату льется солнечный свет».

В 1920 году то же случилось и с Марджори Тодд, дочерью котельщика из лондонского района Лаймхаус, когда она читала в парке «Грозовой перевал»:

Я пережила то внезапное осознание собственного «я» и своего предназначения, которое, должно быть, приходит к большинству подростков. Возможно, некоторые обретают его постепенно. Мне же удалось поймать этот момент, поэтому я как сейчас помню косые солнечные лучи, несколько росших там сосен, неровную вытопанную траву и сосновые шишки на земле у моих ног.

Змеи и лестницы (Snakes and Ladders), 1960

Мой сын, когда ему было лет пятнадцать, рассказывал мне, как дочитывал трилогию «Темные начала»³² в своей

³² «Темные начала» – фантастическая трилогия английского писателя Филипа

спальне в Кентербери. Лишь когда он закончил последнюю строку, в его сознание проник звук давно звеневших соборных колоколов. Воспоминание о той комнате, о солнечном свете и звоне колоколов неизгладимо врезалось ему в память.

Всем нам случалось переживать подобное пробуждение собственного «я», – как правило, это происходит в детстве. Башляр в «Поэтике пространства» называет его «*cogito* выхода». Из этого явления вытекает неизбежный вывод. Если мы можем внезапно осознать собственное существование, чем является это существование, когда мы его не осознаем? Здесь мы приближаемся к экзистенциализму Сартра, а он был глубоко впечатлен *cogito*, посетившим его в детстве во время прочтения романа Ричарда Хьюза³³ «Ураган на Ямайке». Один из персонажей, девочка по имени Эмили, лежала в укромном уголке прямо на носу корабля, «как вдруг ее молнией пронзила мысль, что она – это она...». В руках у Эмили не было книги, но, судя по рассказам, читатели нередко испытывают подобные тихие озарения, уединившись в уютном месте.

Найти себя, сидя в укромном месте, значит пережить нечто редкое и прекрасное, но при этом хрупкое. Писатели и поэты – прирожденные исследователи этих волшебных реч-

Пулмана, включающая романы «Северное сияние», «Чудесный нож» и «Янтарный телескоп», опубликованные в период с 1995 по 2000 г.

³³ Хьюз Ричард (1900–1976) – британский писатель и драматург, автор первого в Европе радиоспектакля.

ных просторов. В стихотворении, опубликованном в 1681 году, описаны переживания сидящего в саду Эндрю Марвелла³⁴:

Воображенье – океан,
Где каждой вещи образ дан;
Оно творит в своей стихии
Пространства и моря другие;
Но радость пятится назад
К зеленым снам в зеленый сад³⁵.

Трансцендентализм Марвелла близок не всем, но любой, придя домой, становится другим человеком, сознание которого работает иначе. Открывая входную дверь полицейскому или почтальону, мы тут же надеваем маску идеального гражданина или получателя загадочных посланий. Спускаясь по лестнице на улицу, мы пребываем в промежуточном состоянии; оказавшись внизу, готовимся вступить в контакт с обществом; а поднявшись обратно домой, вновь возвращаемся к своей индивидуальности. Случается, что какое-нибудь сильное потрясение вынуждает нас искать новое убежище, чтобы опомниться от эмоций, не притупленных привычкой. Когда я узнал, что один мой приятель-книготорговец из Шотландии умер совсем молодым, ноги сами понесли меня

³⁴ Марвелл Эндрю (1621–1678) – английский поэт, политик, дипломат; считается одним из лучших поэтов-метафизиков.

³⁵ Перевод Г. М. Кружкова.

в какой-то проулок, где я и притаился рядом с передвижным мусорным контейнером. Землевладелица из Йоркшира Анна Листер³⁶ в 1824 году пошла на крайние меры. Взяв в руки книгу, она села на диванчик у окна и чуть отдернула занавески, чтобы было светлее читать. От остальной части дома ее отгораживала высокая ширма. Она укуталась в два теплых пальто и укрыла колени халатом.

Уединение

Ван Гог часто изображал на своих полотнах птичьи гнезда, а в одном письме рассказывал о том, как ему хочется, чтобы его хижины были похожи на гнезда крапивников. Примечательно, что у этих гнезд округлой формы часто сложно отыскать вход. Форменный изгой Квазимодо нашел свое укромное место на колокольне собора, который, как пишет Гюго, служил для него «то яйцом, то гнездом». Для Пастернака созданный человеком мир сродни ласточкиному гнезду. Укромный уголок для чтения, на мой взгляд, тоже можно сравнить с ласточкиным гнездом, слепленным из ила протекающей неподалеку реки, – это некий мифический дом, который мы возводим из рек своего сознания.

Есть немало героических историй о людях, которым удалось читать в чрезвычайных обстоятельствах, вопреки

³⁶ Листер Анна (1791–1840) – английская путешественница и альпинистка, которая большую часть жизни вела дневники и описывала в них свою повседневную жизнь.

трудностям и благодаря тому, что можно назвать вдохновенным прагматизмом. Очень многие читают исключительно в постели, ведь остальная часть дома кишит незаконченными делами или же там попросту неуютно. Прилагательное *cosy* («уютный», «удобный») – это заимствование, пришедшее в английский язык от викингов через скоттов и введенное в употребление двумя народами, которые, как никто, умели ценить тепло уютного жилища, укрытого от непогоды. И от ветра, для обозначения которого у знатоков суровой погоды, жителей Оркнейских островов, существует восемь разных слов.

Британский натуралист и популяризатор науки Ричард Мейби в мемуарах о непреодолимой депрессии под названием «Природное лекарство» (Nature Cure) рассказывает, как бродил по дому в поисках укромного местечка для чтения и в конце концов отыскал его рядом с небольшим угловым столиком, на котором стояла лампа. В своих поисках он уподобился животному: именно так зайчихи находят на лугу идеальное место, где можно вырыть нору и родить зайчат. (Фрэнсис Бэкон³⁷ писал хорошие полотна только в тесной съемной квартире в Южном Кенсингтоне: по мнению одного критика, ему необходимо было «отгородиться от внешнего мира».) Этот животный инстинкт, заставляющий искать подходящее убежище, присущ нам куда больше, чем может пока-

³⁷ Бэкон Фрэнсис (1909–1992) – английский художник, чье творчество представляет собой синтез экспрессионизма, сюрреализма и кубизма.

заться, особенно если речь идет о мгновении, когда мы решаем уединиться и погрузиться в книгу. И если, согласно исследованиям, осьминоги способны думать щупальцами, то, может быть, и мы, устраиваясь читать, складываем руки и поджимаем ноги по сходной причине?..

(Известен занятный случай показного чтения в уединении, когда человек из политических соображений притворялся, будто прячется, погрузившись в себя. Однажды слуга заметил, как Томас Кромвель, сидя у окна во дворце в Ишере, громко рыдал над молитвенником, после того как его покровитель, кардинал Уолси, попал в опалу. Как отмечает историк и профессор истории христианства Имон Даффи, это было «показное проявление традиционалистской набожности».) Но вернемся к искренности: Эразм Роттердамский тоже сталкивался с проблемой, о которой рассказывает Ричард Мейби. Хотя ученый жил в «чудесном доме», ему требовалась целая вечность, чтобы найти там «уголок, где он мог разместить свое щуплое тело», писал его первый биограф. Немаловажную роль при выборе подходящего места играет то, что может произойти во время чтения. Нередко, взяв в руки книгу, мы перерождаемся, словно куколка, превращающаяся в бабочку. Свернувшись калачиком с книгой в руках, мы покидаем свою телесную оболочку и можем вернуться в нее изменившимися. Однажды Кафка заметил, что его внутренние метаморфозы сопровождалась непосредственной физической реакцией. В 1913 году он писал сво-

ей будущей возлюбленной Фелиции о прочитанном накануне стихотворении: «Как же вздымается такое вот стихотворение, неся и зарождая свой финал уже в самом своем начале, в непрерывном внутреннем развитии, что низвергается на тебя потоком, – а ты, скорчившись на кушетке, только глазами хлопаешь!»³⁸

Иногда притягательными кажутся лестничные площадки и пролеты, где ничто не напоминает о незаконченных домашних делах и где царит та же бесхозная атмосфера, что и в зале ожидания аэропорта. Дом сэра Вальтера Скотта был столь роскошен, что почти не отличался индивидуальностью, поэтому поэт часто читал, устроившись посреди лестницы, ведущей в библиотеку.

Простые читатели-работяги, далекие от читательских забот и роскошных особняков Эразма Роттердамского и Вальтера Скотта, были вынуждены справляться с проблемами более насущными, чем поиск подходящего места, где можно уединиться с книгой.

³⁸ Перевод М. Л. Рудницкого.

Чтение и жизненные невзгоды

Слезы на станке: читатели-работяги

История знает много примеров, когда люди из рабочего сословия силились раздобыть книги, при этом свободного времени у них было так мало, что приходилось терпеть ограничения – как в плане выбора книг, так и в плане читательских привычек. Плотник из Корнуолла Джордж Смит (р. ок. 1800) ценил учебники по математике за долгий «срок службы». В автобиографии он вспоминает: «Труд по алгебре или геометрии стоил всего несколько шиллингов, но при подробном изучении его могло хватить на целый год». Многие страдали скорее от нехватки времени, чем книг. Например, лондонский сапожник Джеймс Лакингтон (1746–1815), позднее подавшийся в книготорговцы, разработал поистине поразительный распорядок, придерживаясь которого они с товарищами выделяли на ночной сон всего-навсего три часа:

Один из нас вставал и работал до оговоренного времени, когда надлежало проснуться остальным, а когда все бодрствовало, мой друг Джон и ваш покорный слуга по очереди читали остальным вслух, пока те трудились.

Смиранным прилежанием отличался и Джеймс Миллер,

шорник с шотландского высокогорья, который обычно просил кого-нибудь почитать ему, пока он работал, а еще каждый вечер он устраивал чтения, на которых часто собиралась «пара-тройка ученых соседей». Возможно, не так уж и удивительно, что его сын Хью (1802–1856) стал известным писателем, геологом, во многом определившим дальнейший вектор развития геологии. Еще один книголюб-шотландец, странствующий каменщик, проявив изобретательность, приучил свою лошадь следовать привычными маршрутами, а сам читал в дороге.

И все же главный приз за читательскую находчивость следовало бы присудить жившему в XIX веке шотландцу Джеймсу Соммервиллу. Он был странствующим разнорабочим с одиннадцатью детьми, которые в буквальном смысле одевались в лохмотья, раздобытые и заштопанные их матерью Мэри. Один из сыновей, Александр, начал работать в возрасте восьми лет – он чистил конюшни и рыл каналы. С ранних лет он много читал, а повзрослев, стал политиком, которым восхищался Энгельс. В автобиографии он рассказывает о превратностях судьбы в детские годы. В многочисленных лачугах, где останавливалась его семья в поисках работы, не хватало света, но Джеймс повсюду возил с собой застекленное окно и устанавливал его в каждом новом жилище.

Сегодня трудно вообразить, какой серьезной проблемой для бедняков было отсутствие освещения. Многим трудягам

приходилось читать при свете луны, ведь сальные свечи из говяжьего или бараньего жира нередко оказывались им не по карману, а восковые были привилегией богатых семей. В некоторых регионах можно было раздобыть ситник, стебли которого вымачивали в жире и использовали как фитили, но такие свечи, как и сальные, сильно коптели, издавали резкий запах, и их приходилось то и дело подрезать. Неудивительно, что два лакея, прислуживавшие в Сент-Джеймском дворце в годы правления королевы Анны, смогли открыть свое дело, после работы продавая на рынке огарки дворцовых свечей, пользовавшиеся бешеной популярностью. Вскоре они открыли собственную компанию Fortnum & Mason³⁹.

В условиях, когда книга на вес золота, самое неожиданное произведение может стать заветным. В школе, где учился фабричный рабочий Томас Вуд (р. 1822), единственной книгой была Библия, поэтому он ходил в Технический институт, где за одно пенни в неделю зачитывался «Древней историей» Шарля Роллена⁴⁰. Позднее в еженедельной газете городка Кейли была опубликована статья, в которой уже состарившийся Вуд рассказывал, что Роллен произвел на него такое «впечатление, что оно не стерлось и не потускнело даже 40 лет спустя». Джон Кэннон, паренек с фермы в граф-

³⁹ Fortnum & Mason – компания, пользующаяся репутацией одного из мировых лидеров продаж элитной продовольственной продукции. Одноименный универмаг на улице Пикадилли в Лондоне относится к числу самых первоклассных и дорогих продуктовых магазинов в мире.

⁴⁰ Роллен Шарль (1661–1741) – французский историк и педагог.

стве Сомерсет, во время поездок на рынок не упускал случая прошмыгнуть в дом одного милостивого господина, где сначала прочел огромный том «Иудейских древностей» Иосифа Флавия, а потом труды Аристотеля.

Уединение, доступное пастухам, дарило превосходную возможность читать. Эдвин Уитлок (р. 1874), мальчик-пастух из графства Уилтшир, от корки до корки прочел почтовый справочник за 1867 год, пока следил за стадом. После этого он стал настойчиво интересоваться у соседей, нет ли у них других книг, и к пятнадцати годам проштудировал «почти всего» Диккенса и Скотта, а также двенадцатитомную «Историю Англии». У пастуха Джона Кристи из шотландского графства Клакманнан была не только библиотека из 370 книг, но и полное собрание журналов *Spectator* и *Rambler*.

Шахтеры, в отличие от Уитлока, работали в адских условиях, и, быть может, именно из-за чудовищно тяжелой жизни они с таким усердием с ранних лет посвящали время самообразованию. Они создали «сеть культурных институтов, одно из обширнейших объединений, которые когда-либо появлялись в мире благодаря рабочему сословию» (согласно исследованию 2010 года). Изучение многочисленных шахтерских библиотек показывает, что самые ранние из них появились в шотландском графстве Ланаркшир в 1741 году. Библиотечные книги, в том числе популярные притчи и бульварные романы, во многом повлияли на радикализацию

настроений в среде рабочих. Один шахтер из Уэльса вспоминал, что рассказы о Робин Гуде постоянно ходили по рукам, людям нравился содержащийся в них посыл о необходимости перераспределения благ.

Одна книга на протяжении Викторианской и Эдвардианской эпох будоражила воображение рабочего люда больше, чем любая другая. По популярности и степени воздействия на умы американская писательница Гарриет Бичер-Стоу может по праву считаться предшественницей Харпер Ли. Аболиционистский роман Стоу «Хижина дяди Тома» оказал поистине огромное влияние на общественность, что трудно представить в нынешний век книжных премий. Один шахтер из Северного Уэльса отмечал: «[Этот роман] нам все нутро перевернул. Мы чувствовали каждый удар хлыста. Он резал по живому, ранил в самое сердце, в самую душу». Читатель угольной шахты из Форест-оф-Дин писал в своем дневнике, что роман поразил его, «оставив неизгладимое впечатление». Элизабет Брайсон, рожденная в обнищавшем семействе из шотландского города Данди в 1880 году, восклицала: «Ах, это жизнь!» – и продолжала рассуждать, стремясь выразить всю суть душевного успокоения, которое дарят заветные книги:

Вот они – полыхающие на странице, эхом отдающиеся в ушах слова, которые мы никак не могли отыскать. Это волнующий момент... *Кто я, что я такое?* Я силилась вслепую нащупать это знание с тех

пор, как мне исполнилось три года.

С любопытством оглядываясь назад

(Look Back in Wonder, 1966)

Автор анонимной автобиографии «обычного человека», написанной в 1935 году, признается, что из-за романа Стоу, который он тайком читал на фабрике, «немало соленых слез» упало на его «номеровальную машину».

Брутальные товарищи по цеху представляли угрозу для книголюбов: моряк Леннокс Керр (р. 1899) обнаружил, что за интерес к чтению «попал под подозрение»:

Мне приходилось принимать любой вызов: то бить какого-нибудь паренька по лицу, хоть я и не хотел, то хвастаться, какой крепкий у меня вышел такелаж, лишь бы доказать, что книги не испортили во мне моряка.

Но чуткая интуиция подсказывала Керру:

Тайные желания человека выходят наружу, когда он чувствует себя... свободным от маски цинизма, которую примеряет на людях. Проявляется его глубинное творческое стремление быть чем-то большим, чем послушный рабочий... люди становятся более романтичны, мужественны и поэтичны в темноте и уединении... Я слышал, как один мужчина – самый что ни на есть заядлый матерщинник на нашем судне – читал вслух «Песнь песней Соломона», обращаясь к темноте и шелесту морских волн, разбивающихся о форштевень... В одиночестве человек становится тем, кем он мог бы быть, не будь он вынужден

подстраиваться под лекало.

Страстные годы: автобиография

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.